

— Всё, что я захочу? — Фу Гэ смотрел на него в темноте, но тело его было напряжено, будто ржавые шестерёнки.

Ци Хань кивнул. Краешки его глаз были влажными, а улыбка мягко изгибала губы. Голос прозвучал почти молитвенно, как священная клятва:

— Да. Всё, что ты захочешь.

Ещё в ту первую ночь, когда он получил Фу Гэ, он поклялся про себя, что исполнит любое его желание, чего бы это ни стоило.

Фу Гэ в восемнадцать мечтал устроить собственную выставку. Ци Хань помог ему исполнить эту мечту, хотя тогда они уже окончательно разорвали все связи.

Теперь, в двадцать три, его желание — увидеть, как Ци Хань будет валяться в грязи, уничтоженный и растоптанный. И Ци Хань собирался исполнить это тоже.

— Легко говоришь, — холодно фыркнул Фу Гэ. — А если я попрошу что-то невозможное?

Ци Хань крепче сжал его пальцы, взгляд остался таким же спокойным:

— Проси что хочешь. Я всё исполню.

Но про себя подумал, что это ему вовсе не так легко даётся. Он просто уже принял самое худшее, и потому всё остальное было неважно.

— Так сильно хочешь свадьбу? — снова спросил Фу Гэ.

На этот раз Ци Хань тихо рассмеялся, звук сорвался глухо, будто был заперт в груди. Он помедлил немного, будто подбирая слова, и, понизив планку желаний, пробормотал:

— Свадьба... это не обязательно. И регистрацию тоже можно потом. Мне бы просто провести церемонию. Самую простую, без пышных декораций, без толп гостей...

Он вдруг замолчал, потом горько усмехнулся и бросил почти с издёвкой:

— Впрочем, гостей-то у меня и не будет. Разве что Чэнь Син.

— Тогда позовём его шафером? — неожиданно предложил Фу Гэ.

Ци Хань покачал головой и мягко отказался:

— Хотя нет. Вряд ли он сможет. В торговой гильдии сейчас как раз открыли набор на стажировку за границей на два года. Я собираюсь отправить его туда.

Он не знал, как далеко зашли планы Фу Гэ и чем это в итоге закончится. Но если Чэнь Син останется в стране, то окажется втянутым в это болото вместе с ним. А Ци Хань не мог этого позволить.

Фу Гэ опустил глаза:

— Жаль.

— Значит, ты согласен? — голос Ци Ханя прозвучал почти взволнованно, в нём проскользнула слабая, почти отчаянная надежда.

— Согласен на что? — безразлично переспросил Фу Гэ.

— На свадьбу, — Ци Хань не отпускал его пальцы, будто боялся, что тот выскользнет. — В феврале, когда потеплеет, когда распустятся жасмин... Мы могли бы найти маленькую винодельню с полями цветов, где никого не будет, и устроить тихую церемонию. Только мы вдвоём. Ты согласен?

Он уже всё продумал. До февраля оставалось четыре месяца — времени должно было хватить, чтобы найти способ вылечить Фу Гэ. А если нет, то хотя бы оставить достаточно феромонов про запас.

К тому времени он уже завершит все юридические процедуры. Всё своё имущество он переведёт на имя Фу Гэ. Нужно было сделать это аккуратно и чисто, чтобы, если вдруг выплывет какой-нибудь скандал, это не замарало документы.

Фу Гэ точно не взял бы ничего грязного.

У Ци Ханя был небольшой винодельческий домик. Когда-то давно отец подарил его ему на день рождения. Это было его укромное место, единственная ниточка, что ещё связывала его с семьёй.

Жаль, что Фу Гэ не переносил алкоголь. В те дни, когда они были ещё счастливы, они так и не успели там побывать.

Каждую весну перголы в том домике превращались в живые тоннели из цветов. Ци Хань бессонными ночами мечтал о том, как Фу Гэ сидит там, окружённый этим цветочным морем,

смотрит на него с тёплой улыбкой.

Он протянул бы руки и прижал бы его к себе вместе с лепестками, чтобы сделать ту самую фотографию со свадьбы, о которой он мечтал всю свою жизнь.

По-хорошему, нужно было бы подождать, пока распустятся боярышник или колокольчики, но Ци Хань боялся, что Фу Гэ не захочет ждать.

А ещё больше он боялся, что сам не доживёт.

Последнее, что оставалось устроить, — это похороны. Только вот с этим Ци Хань не знал, к кому обратиться.

Чэнь Син будет за границей, на двоюродных братьев и вовсе нельзя было рассчитывать. Поэтому он специально съездил в ритуальное агентство и предложил им немалую сумму за одну-единственную услугу.

— Если я умру через несколько месяцев, пожалуйста, похороните меня в саду винодельни на улице Тунгэ, дом 11. Никаких пышных церемоний не нужно. Скорее всего, на похоронах не будет никого из родных и близких.

Сотрудники агентства на него смотрели как на умалишённого. Весь разговор они только и делали, что подозрительно косились на него, а потом заявили, что такое вообще не соответствует процедурам и они не могут помочь.

Даже этот запасной вариант провалился. Но Ци Хань не особо расстроился. Ему просто вдруг вспомнился один из рассказов отца, единственный раз, когда тот — закоренелый материалист и учёный — проявил хоть каплю суеверия.

Отец говорил, что свадьбы и похороны должны быть многолюдными. Особенно похороны.

Потому что, когда человек умирает, его душа остаётся рядом с телом и ждёт, когда родные придут проститься и заберут её домой.

Если никто не придёт на похороны, душа будет бродить рядом, одинокая и забытая. А если никто её не заберёт, она просто не найдёт дорогу домой.

И вот весь этот вечер Ци Хань только и думал: придёт ли кто-нибудь попрощаться со мной?

Скорее всего, нет.

Он устроил всё для Чэнь Сина и Фу Гэ, но сам остался без всякого плана. Однако он не сомневался, что избежать тюрьмы ему точно не удастся.

Когда он больше не будет председателем торговой гильдии, кому захочется марать руки, приходя на похороны преступника? Фу Гэ, скорее всего, даже слезинки не проронит.

Хотя нет. Он, скорее всего, вообще не придёт.

— А Хань? А Хань!

Мягкий голос маленького беты вырвал его из мрачных мыслей.

— Что такое?

— Я говорю, у нас больше нет колец. Прости... Я их разбил.

— Ничего страшного. Я сам куплю новые, — спокойно пообещал Ци Хань. — Всё, что связано со свадьбой, оставь мне. Тебе не нужно ни о чём беспокоиться.

Фу Гэ, кажется, всё ещё колебался:

— Это не слишком поспешно? Свадьба — это ведь серьёзно... В старших классах мы готовились больше пяти месяцев.

— Нет, всё будет максимально просто, — мягко ответил Ци Хань.

Фу Гэ прикусил губу, но так и не кивнул. Ци Хань молча смотрел на него несколько мгновений, а потом вдруг горько усмехнулся, будто что-то оборвалось внутри:

— Фу Гэ... даже просто устроить формальную церемонию ты не хочешь?

— Никто об этом не узнает. Только ты и я.

Не хочешь иметь со мной ничего общего — не будем звать гостей. Не хочешь связывать себя со мной по-настоящему — не будем регистрировать брак.

Ци Хань уже не надеялся, что кто-то придёт на его похороны. Он всего лишь хотел незаметную свадьбу и возможность назвать Фу Гэ своим, хотя бы на бумаге.

— Дело не в этом, — наконец тихо сказал Фу Гэ и поднял голову. Он оперся рукой на его плечо,

в глазах плескалась тень вины. — Я просто думал о кольцах. Помолвочные я сам проектировал, а свадебные, получается, придётся купить самые простые. Это ведь как-то слишком... небрежно, разве нет? Мы же будем носить их, когда станем семьёй.

Два простых слова — «семья» и «станем» — ударили по сердцу Ци Ханя, как камешек по неподвижной глади воды.

— У нас будет... семья?

— Конечно. Разве свадьба не значит, что мы станем семьёй? Мы будем счастливы, — почти не задумываясь, ответил Фу Гэ.

— То есть ты согласен на свадьбу? — голос Ци Ханя прозвучал хрипло, будто ему не хватало воздуха.

Его просьба была настолько ничтожной, что Фу Гэ не смог найти ни одного правдоподобного повода отказаться и не вызвать подозрений. Он чуть помедлил, а потом всё же выдохнул:

— Ладно. Поженимся.

Глаза Ци Ханя мгновенно покраснели. Он прижал Фу Гэ к себе, зарывшись лицом в его волосы, и горячие слёзы медленно текли по щекам. Голос сорвался, звучал еле слышно, срывающимся шёпотом:

— Спасибо, Фу Гэ.

— Да что ты, — мягко пробормотал Фу Гэ, лениво устроившись у него на груди. — Свадьба — это ведь дело нас обоих.

Маленький бета покорно прижимался к нему, тёрся щекой о его шею и грудь, будто уютный котёнок, и сонно жмурился. Через мгновение он тихо вздохнул и спросил, почти мурлыча:

— Сделай временную метку, ладно? Так тебе не придётся сдавать феромоны, а мне — лежать под капельницей.

Феромоны альфы влияли на тело и сознание Фу Гэ. Одна инъекция заставляла его терять контроль, тянуться к Ци Ханю и забывать обо всём на свете, руша весь тщательно продуманный план мести.

Но временная метка была не такой. Фу Гэ мог сам контролировать количество феромонов, которое попадало в его организм.

Ци Хань догадался, в чём тут подвох, ещё когда тот лысеющий врач предложил этот метод.

Но даже так он был готов подыгрывать ему до конца.

— Я укушу вот здесь, — тихо сказал Ци Хань, чуть отодвинув ворот его пижамы и мягко коснувшись пальцем кожи на затылке. — Если будет больно, скажи.

У беты не было желез, поэтому боль от укуса была куда сильнее, чем у омеги. Чтобы хоть как-то это облегчить, нужно было сначала размягчить кожу.

Ци Хань осторожно массировал выбранное место кончиками пальцев, внимательно следя за реакцией Фу Гэ.

Глаза маленького бета увлажнились, в них плескалась лёгкая дымка. Тепло, что разливалось от осторожных прикосновений, ползло всё выше, захлёстывая до самых кончиков ушей.

— Тогда ты... обязательно полегче... — пробормотал он, но не успел договорить, как пальцы Ци Ханя мягко закрыли ему рот.

А потом альфа, крепко придерживая его за подбородок, осторожно запрокинул его голову и резко вонзил клыки в разогретую кожу на затылке.

— Мм... А Хань... — приглушенно выдохнул Фу Гэ, всхлипнув в ладонь, что заглушала его голос.

Тело его содрогалось от острого, пульсирующего тепла. Вся боль от укуса — тяжёлая и ноющая — будто струилась в каждую клеточку. Кровь медленно проступала на светлой коже, тёплыми каплями стекая вниз.

— П-полегче... больно... — пробормотал он, голос дрожал, но Ци Хань лишь крепче прижал его к себе, будто боялся выпустить.

Все попытки вырваться Ци Хань принял молча, не выпуская его из объятий. Он мягко поцеловал две свежие ранки на шее, и Фу Гэ уже почти расслабился, решив, что на этом всё закончится.

Но он ошибся. Резкий поток альфа-феромонов хлынул в кровь, такой мощный и обжигающий, что перехватило дыхание.

— Нет! П-подожди, я... больно... Не надо! — голос Фу Гэ дрожал, он пытался оттолкнуть его, но хватка Ци Ханя только крепла.

Это было совсем не так, как он предполагал. Фу Гэ был уверен, что стоило ему лишь вскрикнуть от боли, Ци Хань тут же остановился бы. И временная метка так и осталась бы не сделанной.

Но Ци Хань передумал.

Альфe с его врождённой агрессией и инстинктами было практически невозможно остановиться, когда он уже начал заполнять феромонами сосуды своего партнёра. Тем более если это мог быть последний раз.

— Не надо... Слишком много... Я... я не выдержу... — Фу Гэ судорожно вздрогнул, словно испуганный зверёк, и из последних сил попытался оттолкнуть его. — А Хань, больно... ах!

Последний всхлип захлебнулся в ладони Ци Ханя. Он безжалостно зажал ему рот, не давая вымолвить ни слова, лишая возможности протестовать. Мягкая ткань простыни сминалась под напряжёнными пальцами Фу Гэ, а сам он мог только покорно принимать всё, что ему отдавали.

— Фу Гэ, потерпи ещё немного, — хрипло прошептал Ци Хань. — Пусть это будет... вместо цветов на моих похоронах.

Руки сомкнулись крепче, удерживая его так, что было больно даже дышать. Ци Хань сильнее прижался, вонзая клыки глубже, и горячие феромоны струились в кровь почти без остановки.

Фу Гэ весь дрожал. Пальцы, белые как мел, вцепились в простыню так, что ткань угрожала порваться. Но когда Ци Хань осторожно переплёл их и положил ему на плечо, маленький бета тут же, всхлипнув, судорожно обвил его шею.

Инстинкты альфы взяли верх. Глаза Ци Ханя покраснели, вены болезненно пульсировали. Он бездумно вылизывал и обрабатывал тонкие ранки, впитывая тёплый, солоноватый привкус крови. Животная жажда поднималась изнутри, толкая на большее.

Эта временная метка продолжалась целых двадцать минут.

Когда рассудок наконец вернулся, Фу Гэ уже полностью обмяк, почти без сил лежал в его руках. Ци Хань аккуратно убрал клыки, виновато поцеловал оставленные следы и хрипло прошептал:

— Всё, Фу Гэ. Всё закончилось... Прости.

Но едва он ослабил хватку, как тут же получил звонкую пощёчину.

Фу Гэ, тяжело дыша, опирался на руку, его глаза блестели от слёз, а кожа от шеи до ключиц

была влажной и горячей от пота.

Он кусал губы, дрожал всем телом, будто не знал, то ли обнять его, то ли оттолкнуть, но в конце концов лишь бессильно отвернулся, пытаясь спрятать слёзы.

— Я же... я же говорил, что не надо! Ты не слушал... ты даже рот мне зажал... — прошептал он жалобно, голос был надломленным, словно вот-вот сорвётся в плач.

Ци Хань застыл, чувствуя, как на щеке пылает отпечаток ладони. Он растерянно протянул руку, чтобы стереть слёзы с глаз Фу Гэ, но маленький бета вздрогнул и тут же отпрянул назад, будто обжёгся.

Пальцы замерли на полпути. Ци Хань медленно опустил руку, уголки губ дёрнулись в горькой улыбке:

— Прости, Фу Гэ... Больше так не буду.

Фу Гэ молча поправил одежду, юркнул под одеяло и свернулся там, крепко обхватив себя руками, спиной к нему. Даже не взглянул.

Ци Хань стоял ещё пару мгновений, словно не знал, что делать. Потом потупил голову, растерянно поглаживая пальцами ту часть шеи, которую минуту назад так бережно массировал.

— У меня ещё встреча, — глухо сказал он, стараясь скрыть дрожь в голосе. — отдыхай.

Тишина была ответом. Ци Хань медленно вышел из палаты, не глядя по сторонам, и брёл по коридору так долго, что только на следующем этаже понял, что ошибся этажом.

Тогда он остановился у перил, опёрся спиной и закурил. Ночной ветер обжигал лицо ледяными порывами, дым быстро рассеивался, и вместе с ним уходил запах феромонов, всё до последней ноты.

Когда сигарета дотлела, он раздавил окурок носком ботинка и медленно побрёл назад.

Подойдя к палате, он увидел, что свет внутри горит. Комната, которая минуту назад тонула в темноте, теперь была залита мягким тёплым светом.

Видимо, временная метка вызвала побочные эффекты... — Ци Хань напрягся, в сердце что-то больно ёкнуло. Он тут же рванул к двери и распахнул её, не раздумывая.

Но в следующую секунду ему пришлось остановиться.

В ванной напротив двери, сжавшись над раковиной, Фу Гэ судорожно хватался за края холодного фарфора. Его рвало.

В руке он сжимал влажную салфетку, яростно стирая следы укуса на затылке. Дёргал её так, будто пытался оттереть что-то грязное и отвратительное.

Ци Хань опустил глаза, молча постоял несколько секунд в дверях, затем медленно, почти бесшумно отступил назад и прикрыл дверь.

<http://bllate.org/book/14453/1278332>